

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 276–281

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 276–281

<https://soziopolit.sgu.ru>

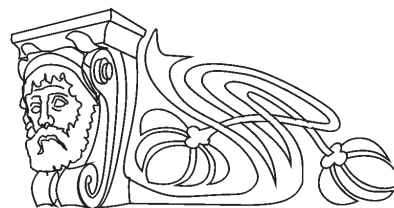
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

Научная статья

УДК 37.03+81.271.2

От лингвистического поворота в социологии к нарративу

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. Лингвистический поворот в социологии определил языковые проблемы в качестве приоритетных при исследовании социогуманитарной человеческой жизнедеятельности. Принятие текстов (языковых высказываний) как социокультурных феноменов, конструирующих социальную реальность, даёт возможность исследовать социокультурные контексты и ценностно-поведенческие модели социальных акторов, совершающих социальные действия. Однако постулирование социальной роли языка, определяющее специфику социальных действий, было не всегда. Символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, теория коммуникативных действий, герменевтика и теория речевых актов послужили методологической базой рассмотрения языка в качестве определяющего компонента и стали основой становления лингвистического поворота в социогуманитарных исследованиях. Особая роль в становлении лингвистики (языка и речи) как приоритетного компонента человеческой жизнедеятельности принадлежит П. Бурдьё, определившего язык в качестве основного маркера социальности индивидов. В свою очередь, лингвистический поворот послужил отправной точкой становления нарративного поворота как одного из эффективных инструментариев в социологических исследованиях. Нарратив/описание/повествование имеет своей основой определение индивида как одного из базисных субъектов социологических исследований. Множество интерпретаций одного и того же события обусловлено, с одной стороны, субъективной спецификой респондентов, а с другой, пространственно-временным контекстом. Этнометодологическая специфика нарратива отражает повседневную жизнь индивидов в процессах их интеракции, рефлексии, моделей повседневного поведения и упорядочивания жизненного цикла. Феноменологическая специфика нарратива представлена феноменом социологического переписывания как совокупности объективной картины мира и её субъективного восприятия, а также степенью эмоциональности описания. Постмодернистский ракурс нарратива акцентирует, прежде всего, бесконечное множество субъективных интерпретаций и методику деконструкции текста для выявления скрытых смыслов. Использование нарратива как социологического инструментария даёт возможность всестороннего описания и анализа не только социальных действий индивидов в повседневной жизни, но и исследования социальной реальности.

Ключевые слова: лингвистический поворот, нарратив, социальная роль языка, социальное действие, повседневная жизнь, интерпретация текста, субъективный/объективный компонент, пространственно-временной контекст

Для цитирования: Могилевич Б. Р. От лингвистического поворота в социологии к нарративу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 276–281. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the linguistic turn in sociology to narrative

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The linguistic turn in sociology has established language-related issues as a primary focus in the examination of socio-humanitarian human activities. The acceptance of texts (linguistic statements) as socio-cultural phenomena that construct social reality facilitates the exploration of socio-cultural contexts and value-behavioral models of social actors engaged in social actions. However, the assertions regarding the social role of language that delineate the specificity of social actions have not consistently been acknowledged. Symbolic interactionism, ethnomethodology, phenomenology, the theory of communicative actions, hermeneutics, and the theory of speech acts have provided the methodological foundation for regarding language as a defining element, thereby contributing to the development of the linguistic turn in socio-humanitarian research. A particular significance in the establishment of linguistics (language and speech) as a crucial component of human activity is attributed to P. Bourdieu, who identified language as the principal marker of individual sociality. Conversely, the linguistic turn has served as a foundational

point for the emergence of the narrative turn, regarded as an effective instrument in sociological inquiry. The narrative/description/narrative framework possesses its own rationale for defining the individual as a central subject of sociological investigation. The diversity of interpretations of identical events is influenced, on one hand, by the subjective particularities of respondents and, on the other hand, by the spatio-temporal context. The ethnomethodological uniqueness of the narrative encapsulates the quotidian experiences of individuals in the dynamics of their interactions, reflections, everyday behavioral models, and the organization of their life cycles. The phenomenological character of the narrative is epitomized by the phenomenon of sociological rewriting, which amalgamates an objective worldview with its subjective interpretations and the emotional nuances of the description. The postmodern perspective on the narrative underscores, primarily, the limitless array of subjective interpretations and the technique of deconstructing texts to unearth concealed meanings. Employing narrative as a sociological tool enables a thorough description and analysis of not only the social actions of individuals in their everyday lives but also the examination of social reality.

Keywords: linguistic turn, narrative, social role of language, social action, everyday life, text interpretation, subjective/objective component, spatio-temporal context

For citation: Mogilevich B. R. From the linguistic turn in sociology to narrative. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 276–281 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Во второй половине XX в. в методологии социогуманитарных наук произошли большие изменения, получившие название «повороты» – лингвистический, исторический, нарративный, обращение к памяти, внимание к повседневной жизни и т.д. Не осталась в стороне и социология, получившая в результате действия этих поворотов новую форму и содержание.

Социология как отдельная область гуманитарного знания ведёт своё начало с XIX в. Её становление как самостоятельной научной дисциплины, включающей как теоретический, так и практические компоненты, было не случайным явлением, а, прежде всего, непосредственной реакцией на предшествующие крупные социальные трансформации: революции, войны, идеалы французского Просвещения, утопический социализм, промышленную революцию, становление капиталистического способа производства, информационную революцию.

Позитивизм как ракурс социологических исследований стал доминирующей методологией, предлагающей изучать только социальные факты вместо вещей. При этом совершенно не рассматривалась, не изучалась и не принималась во внимание любая связь между субъектами (индивидами) и объектами (социальными действиями). Другими словами, человеческая мотивация при совершении социальных действий не имела никакого значения [1].

М. Вебер как родоначальник гуманитарных тенденций в социологии сделал акцент на социальные действия, а именно на их интенциональность. По М. Веберу, любое социальное действие несёт в себе субъективную составляющую в виде понимания, исследования и учёта интеракций между социумом и индивидом в контексте целостного целеполагания. Но язык как

сущностная характеристика индивида существовал отдельно от его носителей и не учитывался в рамках понимающей «социологии» [2].

Что касается бихевиоризма, получившего широкое распространение в XX в., то данная методология определяла поведения субъектов социального действия как пассивную реакцию на социальные действия и факты, а их языковая актуализация игнорировалась, и только методология символического интеракционизма акцентировала субъективный опыт и интенции индивидов, актуализированные в языке. Именно человеческая способность и стремление к адаптации к окружающей среде создаёт жизненный мир каждого индивида посредством обмена символами (знаками), присутствующими только человеку, т. е. языком. Носители одного языка обладают общими символическими значениями (фонетическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими). В то же время каждый носитель языка является социальным актором: как язык, так и его носители являются социальными агентами, осуществляющими социальное взаимодействие. Таким образом, методология символического интеракционизма включала лингвистический компонент в сферу социальной жизни. Согласно Д. Миду, символы (знаки), а именно язык, представляют собой инструментальный ментального и личностного развития как индивида, так и социума. Следовательно, язык представляет собой механизм самопознания и саморефлексии индивида, а также является инструментом рефлексии индивида во времени и пространстве [3].

Вторым основополагающим триггером лингвистического поворота в социологии стала герменевтика как теория и практика интерпретации текстов/языковых высказываний (первоначально только религиозных).

По мнению М. Хайдеггера, интерпретация и язык неразделимы, так как без языка не может быть понимания и существования человека в окружающей действительности, т. е. язык является средой человеческого бытия: «В жилище языка обитает человек» [4, с. 188].

Х. Г. Гадамер, творчески развивая идея М. Хайдеггера, постулировал, что язык и жизненный мир членов социума находятся в имманентном единстве. Он утверждал, что без учёта лингвистической составляющей невозможно изучение окружающей действительности, поскольку язык представляет собой коллективное достояние социума [5].

П. Рикёр в своих герменевтических исследованиях уделял особое внимание феномену текста/языкового высказывания как актуализации человеческой деятельности во времени и пространстве. По его мнению, текст, помимо буквенного формата, содержит информацию о скрытых смыслах, т. е. подтекст (данные об авторе, фоновые знания и т. д.). Другими словами, интерпретация любого текста является, в сущности, интерпретацией социальных действий в социуме, что ещё больше подчёркивает значимость лингвистического компонента в социальных действиях и их исследованиях [6].

Говоря о предпосылках лингвистического поворота в социологии, следует обратить внимание на этнометодологические концепции Г. Гарфинкеля. В широком смысле этого термина этнометодология изучает различные модели и способы жизнедеятельности, применяемые индивидами для функционирования в повседневной жизни. В самом деле, повседневная жизнь индивидов как членов социума является предметом и объектом социологических исследований. Межличностная интеракция индивидов обеспечивает их адекватное существование и воплощается, прежде всего, в речевых актах и невербальном компоненте, доступных непосредственному восприятию. Следовательно, изучение речевой составляющей в повседневной жизни даёт возможность понимания и интерпретации поступков и мотивов повседневной, т. е. социальной жизни членов социума [7].

Нельзя не отметить, что в середине XX в. наметилось и получило дальнейшее развитие новое философское течение, а именно лингвистическая философия, использующая в качестве методологии лингвопрагматический анализ, основанный на теории речевых актов Д. Сёрля. Основной характеристикой этой ме-

тодологии является изучение связи семантики языковых знаков с их практическим использованием (прагматика) [8].

В этой связи особого внимания заслуживает теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В основе этой теории лежит утверждение, что язык – это, прежде всего, социальное действие, а речевые акты, совершаемые индивидами в процессе использования языка, обеспечивают социальную коммуникацию при условии достижения понимания между коммуникантами. Другими словами, нет понимания, нет коммуникации, т. е. язык выступает условием коммуникации, а понимание представляет собой цель интеракции [9].

П. Бурдьё был первым, кто стал рассматривать язык как неотъемлемый компонент повседневной социальной жизни, так как лингвистические характеристики (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) являются индикаторами социального статуса носителя языка. По его мнению, «универсальная компетентность языка теоретически-либерально представлена всем, но на самом деле она универсальна монополизирована некоторыми» [10, с. 89]. П. Бурдьё, используя экономическую терминологию, представил свою теорию универсальности языка. Язык, по его мнению, является культурным капиталом, который отражает все изменения в жизни социума и служит инструментом контроля и насилия. Социологи могут и обязаны исследовать социальные явления в контексте языковых вариативности, что и является на самом деле лингвистическим поворотом в социологии. Согласно П. Бурдьё, изменения в языке отражают, прежде всего, социальные трансформации посредством мягкого насилия. Иными словами, регулятивная функция языка наиболее ярко и последовательно проявляется в сфере управления социальной жизнью его носителей, а языковое насилие – важный фактор деформации человеческой жизни. Таким образом, на долю социолога и выпадает, собственно, описание логики борьбы по поводу слов, язык же представляет собой социальный конструкт, отражающий специфику его носителей в контексте окружающей их социальной реальности, в частности, при её конструировании и познании [11].

Естественно, любой язык подвержен трансформациям в пространственном-временном контексте жизнедеятельности его носителей. Это означает, что язык представляет собой не

только инструмент социальной деятельности, но и социальный конструкт, функционирующий в рамках таких феноменов, как культурный капитал, символический капитал и лингвистический капитал. Культурный капитал, в свою очередь, представлен тремя компонентами – инкорпорированный, объективированный и институциональный капиталы. Инкорпорированный капитал является как унаследованным компонентом, так и приобретённым сознательно в процессе социокультурного развития носителя языка; объективированный капитал является материальной актуализацией культурного капитала, лингвистического в том числе в форме технических и артефактов. Институциональный капитал функционирует в виде свидетельств, дипломов, сертификатов, аттестатов, удостоверения и справок. Таким образом, культурный капитал представляет собой совокупность разного рода знаний, умений и навыков как индикаторов уровня образования и социального статуса членов социума.

Лингвистический поворот как новый этап развития гуманитарного знания, социологического в том числе, акцентировал насущную необходимость рассматривать весь спектр исследований в сферах культурологии, политологии, социологии, психологии и философии в лингвистическом контексте. В основе методологии лингвистического поворота находится отождествление реальности и текста, т. е. констатация того факта, что все сферы человеческой жизнедеятельности опосредованы языком. В результате презентация и анализ любого текста как системы знаков означали, что все формы человеческой жизнедеятельности являются определёнными знаковыми системами. То есть все исследования в сфере социогуманитарных наук приобретают лингвистическую специфику [12].

Лингвистический поворот приобрёл новые характеристики в виде нарративного поворота, означающего, что любая форма знания может быть представлена в виде нарратива, т. е. описания/повествования. В современной социальной жизни феномен нарратива стал актуальным не только в социогуманитарных, но и в естественнонаучных сферах: медицине, праве, истории, историографии, биологии, антропологии, психотерапии. В основе нарративного поворота лежит признание того факта, что в настоящее время социальная реальность лишена стабильности и детерминизма, а темпоральность приобретает новые характеристики. Человек как член соци-

ума является активным социальным деятелем и преобразователем, а познание социальной реальности не является единым, запрограммированным и объективным. Более того, любой текст/совокупность текстов отражает человеческое сознание и представляет возможность множества вариантов их интерпретаций. Здесь следует отметить особую методологическую роль постмодернизма в становлении нарратива, а именно:

- выдвижение на первый план человека как автора текстов, что подразумевает множество субъективных интерпретаций;

- акцентирование текстовой проблематики по причине многообразия оценок и интерпретаций;

- использование новой методологической методики в виде деконструкции текстов в целях выявления скрытых смыслов и противоречий.

Тогда окружающая социальная реальность предстает как объединение социальных и лингвистических компонентов, обусловленных как социальными (объективными) процессами, так и идеологическими (субъективными) предпочтениями социальных акторов. Лингвистический анализ текста состоит в том, что он (текст) является интерпретацией окружающей действительности в языковом формате. В этом случае нарратив представляет собой познание социальной реальности через её описание. По У. Лабову, нарратив является, по своей сути, описанием человеческого прошлого опыта посредством последовательных по смыслу предложений (речевых актов) [13]. Следует обратить внимание на тот факт, что нарратив представлен следующими характеристиками:

- придаточными предложениями, отражающими временные параметры;

- представлением нарратива в прошедшем времени;

- отражением нарратива как ориентировочных индикаторов (место действия, персонажи), так и оценочных (отношение автора к описываемому событию), а также обозначением завершённости и его связи с настоящим.

Что касается непосредственного использования нарратива в социологических исследованиях, следует отметить: во-первых, индивиды как члены социума функционируют как рассказчики, т. е. создают свои нарративы; во-вторых, информация всегда предполагает интерпретацию, следовательно, социологические исследования изначально нарративны;

в-третьих, информанты (рассказчики) могут по-разному интерпретировать одно и то же событие во времени и пространстве [14].

Существует несколько причин принятия нарратива как метода социологических исследований: 1) теория интерпретации предполагает, что любой текст как объект исследования обладает смыслом; 2) текст обладает несколькими смыслами в зависимости от интерпретации.

Этнометодология также постулирует ценность нарративных методик в контексте ситуативности повседневной жизни в следующих понятиях:

- языковая интеграция индивидов при генерировании, восприятии и интерпретации информации;

- рефлексия/саморефлексия как процессы постоянного сопоставления моделей повседневного поведения индивидов в различных экстралингвистических ситуациях;

- рационализация повседневной деятельности индивидов с целью порядка и организации в процессе постоянного производства языка и нахождения новых смыслов.

Феноменологическая база нарратива включает его социологическое переписывание, поскольку, с одной стороны, является объективной картиной социальной жизни, а с другой стороны, все социальные трансформации обусловлены субъективными действиями индивидов [15].

Социологическое переписывание представляет собой совокупность таких компонентов, как передача известной информации и генерация новой; связь информации и социального контекста её продуцирования и трансляции; обусловленность событийного контекста временем его возникновения и функционирования; влияние степени экспрессивности нарратива на его восприятие другими; учёт последствий нарративной картины для всех коммуникантов [16].

Социологические исследования, проводимые посредством нарратива, всегда учитывают личность респондента и его влияние на самого исследователя. Проблема объективности и правдивости нарратива обусловлена тем фактом, что любой нарратив отражает социальную реальность. Причём одни нарративы могут отражать реальность, а другие создавать её, приукрашивая или обедняя эту реальность в зависимости от своих субъективных интере-

сов и целей. Конечно, исторический контекст любого нарратива присутствует в описании, но его интерпретация всегда субъективно обусловлена [17].

В качестве примера нарративов, отражающих трагедийные события, имевшие место в социальной реальности Европы в годы II Мировой войны, служат дневники двух девочек, одна из них – Таня Савичева. Она вела дневник, описывающий трагедию её семьи в период блокады Ленинграда. Вся её семья умерла от голода, а Таня была последней. Дневник заканчивается такими словами: «Осталась одна Таня». Таня тоже умерла от голода и похоронена на Пискаревском кладбище.

Вторая девочка – Анна Франк, еврейская девочка из Голландии, семья которой пряталась на чердаке почти год, но была депортирована в концлагерь и погибла там в 1944 г. Невозможно читать эти нарративы без слёз. Их стиль, лексика демонстрируют и детское восприятие жизни, и недетские страх и горе. Эти нарративы почти свободны от субъективного отношения авторов и являются страшным и объективным свидетельством погубленных жизней обычных людей, в данном случае детей.

Таким образом, нарративный поворот в социологии тесно связан с лингвистическим поворотом, давшим начало учёту лингвистического компонента как одной из самых важных характеристик как социума, так и социальных агентов, совершающих социальные действия в окружающей их социальной реальности. Нарративы, или человеческие истории, создают картину социальных трансформаций жизнедеятельности. Социальные действия индивидов всегда обусловлены временем и местом совершения и соотносят социальное поведение создателей нарративов с социальными действиями других. Именно нарратив представляет собой целеполагание социальных действий каждого члена социума.

Список литературы

1. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е, репр. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
2. Вебер М. Основные социологические понятия. М. : Директ-Медиа, 2014. 52 с.
3. Мид Дж. Г. Избранное / сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2009. 290 с. (Теория и история социологии). EDN: MQGIQV

4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Би-
бихина. Харьков : Фолио, 2003 (Тип. изд-ва Самар.
Дом печати). 510 с. (Philosophy).
5. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской
герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. Б. Н. Бессонова.
М. : Прогресс, 1988. 700 с.
6. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Es-
says on language, action and interpretations / ed. and
transl. by J. B. Thompson. Cambridge ; New York :
Cambridge University Press ; Paris : Editions de la
Maison des Sciences de l'homme, 1981. 314 p.
7. Franzosi R. Narrative analysis – or why (and how)
sociologists should be interested in narrative // Annual
Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>
8. Searle J. R. The construction of social reality. New York :
Liberty Press, 1995. 518 p.
9. Habermas J. Communication and the evolution of soci-
ety / transl. a. with an introd. by T. McCarthy. Boston :
Beacon press, Cop._1979. 239 p. (Beacon paperback.
Philosophy, sociology, polit. science).
10. Бурдьё П. Начала : сб. : пер. с фр. М. : Socio-Logos,
1994. 287 с.
11. Лю Ц. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250000185-6>
12. Могилевич Б. Р. Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208>
13. Labov W. Some further steps in narrative analysis // Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7, iss. 1–4. P. 395–415. <https://doi.org/10.1075/jnlh.7.49som>
14. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2001. № 13. С. 27–59.
15. Кузнецов А. М. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2, № 1. С. 49–67.
16. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М. : РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996. 172 с.
17. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2002. № 15. С. 33–52.

Поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025;

принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025;
accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025